
ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ НАРОДОВ И РЕЛИГИЙ

ЦЕНТР ИЛИ ПЕРИФЕРИЯ? СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТУВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

С.С. Ховалыг

Кафедра истории Отечества
Тывинский государственный университет
ул. Ленина, 36, Кызыл, Республика Тыва, Россия, 667000

Статья посвящена истории формирования и развития системы государственной власти и управления в Туве на рубеже XIX – начале XX в. Авторами исследован государственный аппарат, иерархия чинов и степеней различия государственных должностей Тувы. В статье рассмотрены проблемы создания в крае организации власти России в связи с тем, что в начале XX в. над Тувой был установлен протекторат Российской Империи.

Ключевые слова: Урянхайский край, хошун, амбын-нойон, угерда, нойон, государственный аппарат, чиновник, протекторат, комиссар по делам Урянхайского края, заведующий переселенческим управлением.

В современных условиях, когда идет поиск оптимального распределения полномочий между центральной и региональной властью, может быть востребован исторический опыт управления национальными окраинами России с учетом их региональной специфики. В связи с этим интерес представляет очень насыщенный событиями и административно-управленческими усилиями, период нахождения Тувы под властью маньчжурской империи Цин и российским протекторатом. Следует отметить, что, несмотря на солидную историографию по проблеме государственной власти и установления протектората России над Тувой, исследователями они преимущественно рассматривались в контексте международных взаимоотношений России с Китаем и Мон-

голий. В трудах отечественных историков главный акцент был в основном сделан на внешнеполитических проблемах (1), но вопросы о трансформации традиционной китайской системы управления в Туве на российский лад, административном переустройстве, организации собственно русского управления и крестьянского самоуправления оказывались на периферии научных интересов и не получили должного освещения. Сегодня привлечение известных ранее, а также относительно недавно открытых архивных материалов (прежде всего Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного архива Республики Тыва) позволяет восполнить это пробел и выявить те принципы и методы, которые использовались российской администрацией в управлении дореволюционной Тувой.

И, несмотря на то что нахождение Тувы под протекторатом России было достаточно кратковременным, тем не менее, можно выделить два этапа ее политической истории в этот период: первый – с 1914 по начало 1917 г., второй – с 1917 по 1919 г. Основным принципом выделения этих этапов послужила форма организации управленческих систем, получавших доминирование в крае в конкретный промежуток времени.

Тува на рубеже XIX–XX вв. представляла собой окраину Маньчжурской империи Цин, власть которой была установлена в 1757 г. (2) и длилась до 1912 г. Известно, что ко времени завоевания территории Тувы маньчжурами в результате разгрома Джунгарии у тувинских племен уже имелась устойчивая общественная структура со сложившейся системой управления.

Завоевав Халху (Внешнюю Монголию) и Туву, маньчжуры провели административную реформу путем реформирования бывших княжеских уделов в военные единицы, соответствовавшие маньчжурским «знаменам» (3) ци, по-монгольски называвшимся хошунами. Каждый хошун, в свою очередь, делился на сумоны (кавалерийские эскадроны цзо-лин), а сумоны на арбаны (4), объединявшие, как правило, близких родственников, сородичей. Один арбан выставлял в солдаты 10 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет, а один сумон – 150 всадников в полной боевой экипировке. Шесть сумонов образовывали один цзяла-цзалан, или полк, пять полков составляли дивизию, а пять дивизий – корпус.

Основная территория тувинских племен (5) разделялась на несколько хошунов (6); одни из них управлялась правителями-тувинцами, другие – правителями-монголами. Соответственно в исторической литературе хошуны первой группы называются тувинскими, второй – монгольскими. В 1759 г. были учреждены четыре тувинских хошуна (7): Тесингольский или Оюннарский, Хемгольский или Салчакский (Сальжакский), Тоджинурский или Тоджинский и Хубсугульский (последний в 1787 г. был отделен от тувинских хошунов, переименован в Хасутский и перешел в ведение китайской администрации в Улясутае, но население его еще и в XIX в. продолжало нести кое-какие повинности по отношению к тувинскому

правителю (8)). С 1808 г. Хемчикский хошун, или Даа хошун (другие варианты написания – Да-хошун, Даа-хошун), окончательно стал пятым тувинским хошуном. Под управлением монголов были еще сумоны Маады и Чооду, впоследствии известные как хошун Даа-вана и сумоны Шалык и Сартул, в начале XX в. составлявшие Нибазы хошун, а также Бээзи хошун. Начиная с 1806 г. земли каждого хошуна были точно определены, только в их пределах население хошуна и могло кочевать; если же араты нарушали эти границы, то признавались виновными в захвате или использовании чужой собственности.

Центральное управление танну-тувинскими и алтайскими хошунами было учреждено с 1768 г. в Улясутае, где была размещена резиденция цзянцзюня (9) – наместника императора в Северной Монголии, и в Кобдо, где был создан «Инородческий приказ».

Власть маньчжурской династии юридически была закреплена изданием в 1789 г. «Уложения китайской палаты внешних сношений» (Ли-фань-юань цзэ-ли). Но поскольку данный текст, состоявший из 209 статей, разделенных на 12 глав в 4 небольших книжках, оказался неспособен регулировать все стороны общественных отношений завоеванных народов, в 1811 г. особая комиссия, созданная императором Цзя Цином, начала разработку текста нового Уложения. В 1818 г. в Пекине был напечатан новый текст Уложения на маньчжурском языке, регламентировавший все стороны жизни не только танну-тувинских хошунов, но и других территорий, оказавшихся под властью маньчжурской династии Цин.

В 1762 г. для рационализации государственного управления был создан институт военного помощника цзянцзюня в Танну-Туве – Верховного правителя всеми танну-тувинскими хошунами. С этой целью правителю Тесингольского хошуна была дарована печать (10) Бугуде (Бугдийн)-дарга (11) и титул амбын-нойона (12). Институт Бугуде-дарга, созданный в 1762 г., функционировал до 1921 г.

Бугуде-дарга – Верховный правитель Танну-тувинских хошунов, изначально удостоенный титула «гунн» (13) после подавления восстания Алданмаадыр в 1885 г., был награжден цинскими властями титулом «бэйле» (14). Воинское звание – мээрэн-чангы, соответствовавшее командиру дивизии. Знаки различия: на шляпах и шапках на бронзовой подставке, с вырезанными павлиньими перьями, прикреплялись двучковое павлинье перо и красный коралловый чингзе; церемониальный халат из китайского шелка, с вышитыми в горизонтальном положении изображениями драконов с пятью когтями (15); символ власти: печать, отлитая из бронзы, прямоугольной формы, с простой ручкой гвоздем (с 1762 г.); красное знамя (с 1766 г.). Также ему полагалось жалование: за исполнение должности амбана – 77 ½ лан серебра (с 1809 г.), дополнительно 800 лан серебра за титул бэйле и 13 кусков парчи и шелковых тканей.

Амбын-нойон ведал не только четырьмя тувинскими хошунами, каждый из которых возглавлялся угерда, но номинально и тувинскими хошунами, принадлежавшим монгольским князьям (Бейсе, Маады, Шалык и Нибазы). Амбын-нойон был подчинен маньчжурскому цзянцзюну, находящемуся в Улясутае, который управлял Северной Монголией (Халхой). Амбын-нойон сосредотачивал в своих руках гражданское и военное управление. Амбын-нойон созывал один раз в год сейм девяти хошунов с целью разрешения судебных, административных и хозяйственных дел, затрагивающих интересы всех хошунов, раскладки повинностей, организации переписи населения и объявления указов императора и предписаний цзянцзюня.

Государственное управление Тувой осуществлялось в канцелярии амбын-нойона (цзасак – чазак), состоявшей из следующих чиновников: чагырыкчы – старший чиновник II класса, II ранга, руководитель канцелярии, ведавший административными делами; чалан – старший чиновники III класса, I ранга, по особым поручениям; мээрен (мейрен) – младший чиновник III класса, I ранга, объединивший военные и судебные функции. На них, как показывают источники (16), ложилась вся тяжесть ведения дел хошунов, что происходило либо в результате неспособности амбын-нойона к управлению, либо в связи с его длительными поездками в Пекин, в Улясутай, в Ургу, в Кобдо или же на чыыш (сейм).

В виде общего правила все дела, рассмотренные на сеймах, направлялись прямо к чалану. Мээрен играл по сравнению с чаланом второстепенную роль, в его обязанности входил смотр войск хошунов, наблюдение за их обучением, исправностью лошадей и оружия и прочее. В Туве в полномочия мээрена входили судебные дела, дела иноплеменников: монголов, русских, китайцев и др., проживавших в пределах хошунов (17).

Власть на местах была сосредоточена в канцелярии угер-даа (по-китайски цзун-гуань) – чиновника I класса, II ранга, правитель хошуна, непосредственно подчинявшегося амбын-нойону и пользовавшимся правами дзасаков (18), однако должность считалась не наследственной, а выборной – с последующим утверждением цзянцзюнем. Угер-даа, или даа-нойон, ведал всеми административными и судебными делами хошуна, собирал албан в пользу китайского императора. Ему принадлежало право смещать начальников сумонов, определять их границы, регулировать пастбища, распоряжаться приписанными к хошунной канцелярии аратами.

Угер-даа обеспечивался из «казны» хошуна всем необходимым для успешного ведения хозяйства и, прежде всего, рабочей силой. К его канцелярии, а фактически к нему самому, прикреплялась семья, обслуживавшая его в течение года или до трех лет. О правовом статусе угер-даа мы можем составить представление из анализа статей Уложения, в частности о праве угер-даа с 1809 г. получать вознаграждения за выполнение своих обязанностей в размере 65 лян серебра в год, яства со стола императора во время

празднования Шагаа, отрезы шелковых и других тканей. Знаками различия угер-даа был бордовый чингзе и одноглазое павлинье перо, прикрепляемые к головному убору на подставке, с вырезанными на ней узорами в виде павлиньих перьев.

Хошунное управление состояло из штата чиновников, во главе которых находился дузалакчы – старший чиновник II класса, I ранга, помощник угер-даа по гражданским делам, советник по всем вопросам; чагырыкчы (19) – младший чиновник II класса, I ранга, помощник угер-даа по военным делам, в мирное время исполнял обязанности начальника канцелярии хошуна. В их подчинении находились чиновники мээрен и чалан. Мээрен – старший чиновник III класса, I ранга, исполнял судебные функции, сношения с иностранцами, проживающих на территории хошуна; чалан – младший чиновник III класса, I ранга. В хошунах функции чалана были временными, длились лишь до выполнения возложенных на него поручений.

Сумонное управление возглавлял чангы – чиновник IV класса, I ранга, назначенный правителем хошуна, в звании командира эскадрона, ведавший отношениями между сумонами, входящими в состав хошуна. В его обязанности входила также доставка албана, собранного на подведомственной ему территории, к угерда и сопровождение его к амбын-нойону для сдачи албана. Неисполнение данной обязанности влекло за собой наказание в виде штрафа и лишения звания и должности. Управление сумона также имело следующие должности: чалан – младший чиновник III класса, I ранга, по особым делам, хунду (20) – старший чиновник IV класса, I ранга, заместитель управляющего сумоном, исполнял судебные функции; бошка (21) – младший чиновник IV класса, II ранга, главный сборщик налогов, выполнял полицейские функции; секретарь – бижээчи (писарь).

Чалан – чиновник особых поручений при управлении, получающий звание и лишаящийся его по усмотрению амбын-нойона. Функции чалана были временными, поскольку полномочиями он наделялся лишь до выполнения возложенных на него поручений. Во время отсутствия чанги на чалана возлагались его обязанности. В обязанности чангы и хунду также входило ведение судебных дел своего сумона. На чангы возлагались обязанности представлять сумон на хошунном сейме. Он нес ответственность за своевременный сбор обязательного и других налогов подведомственного ему сумона. Кроме того, он отвечал за порядок в своем сумоне, распределял коллективные хозяйственные, совместно с хунду рассматривал мелкие судебные дела. Чангы был ответственным за несение уртельной и караульной службы, а также имел право представлять кандидатов из сумона угер-даа для несения службы в управлении амбын-нойона. Чангы отвечал за снабжение своих людей, отправляемых на службу в управление нойона. Он нес ответственность перед угер-даа. Хунду рассматривал гражданские дела. Например, Ф.Я. Кон пишет, что без утверждения чангы и хунду развод не имел

силы, причем сам брак официально чиновниками не регистрировался, а регулировался обычаями и традициями, принятыми в каждом хошуне (22).

Под ведомством хунду находились бошка – сборщики налогов, объединявшие полицейские функции, например, поимку и доставку преступников.

Согласно «Уложению» все должности хошунного и сумонного управления выборные и в последующем утверждаемые угерда, кроме дузалакчы (помощника по гражданским делам). Для его назначения правители хошунов должны были подавать списки кандидатов амбын-нойону, который представлял их на утверждение цзянцзюню. Остальные назначения чинов внутри хошуна решались лично угер-даа по представлению кандидатур чангы. Чангы, прежде чем предложить кандидатуру, должен был удостовериться в том, что кандидат владеет монгольским языком, умеет писать, а также имеет личное имущество. Чаще всего назначались братья, сыновья прежних чиновников, поскольку они учились языку, т.е. наблюдалась преемственность в управлении хошунами и сумонами (23).

Таким образом, в Туве был создан военизированный управленческий аппарат государственной власти, находившийся под ведомством улясунтайского цзянцзюня, который подчинялся четвертой экспедиции Китайской Палаты Внешних сношений (Ли-фань-юаня). Тувинское чиновничество Тувы в первой половине XX в. представляло собой особую профессиональную группу, отношения внутри которой были основаны на общеимперских формально-юридических нормах и соответствующих им социально-психологических установках.

В Туве отсутствовал строгий принцип разделения чинов на военные и гражданские. Традиционно чиновники военного управления (тушимел или дужумет) имели преимущественное положение по сравнению с гражданскими чинами и должностями. В Танну-Тувинских хошунах в связи с особым геополитическим положением сложился особый управленческий аппарат с сильной внутренней автономией, с четкой структурой, основанной на жесткой иерархии чинов, склонный к самостоятельности на местах. Тувинское чиновничество в общеимперской иерархии занимало весьма низкое положение, что компенсировалось их самостоятельностью во всех вопросах, касавшихся внутреннего управления.

В 1911 г. после более чем столетнего господства маньчжурской династии Цин правители тувинских хошунов оказались перед выбором дальнейших путей развития. В конце 1911 г. правители начали готовить съезд для решения вопросов будущего Тувы и созвали его уже в январе 1912 г. (24). Здесь сразу же столкнулись совершенно разные взгляды тувинской правящей элиты: присоединение к России или Монголии. Представитель нарождающейся торговой прослойки богач Агбан решительно примкнул к группе амбын-нойона Комбу-Доржу, всячески защищая идею присоединения к России (25). В противовес этому группа во главе с Салчакскими и Тоджин-

скими нойонами искала покровительства Монголии. Представители этой группы – крупные ламы и чиновники, резко возражая Агбану, указывали на важность духовного и религиозного начала, которое идет с Востока, с Тибета и из Китая, и призывали ориентироваться на восточные страны (26). В конечном счете съездом было принято решение объявить Урянхай «независимым, находящимся под покровительством и защитой Российского государства» (27).

Оформление юридического установления российского протектората над Тувой принято относить к моменту, когда 4 (17) апреля 1914 г. императором Николаем II на докладной записке министра иностранных дел С.Д. Сазонова по вопросу о принятии населения пяти хошунов Урянхайского края под покровительство российского правительства была наложена резолюция: «Согласен». Тем самым, как полагали, император поставил точку в проблеме, которая в публицистической и научной литературе того времени получила название «Урянхайский пограничный вопрос» (28).

Не углубляясь в предысторию установления покровительства над тувинскими хошунами, достаточно хорошо, как указывалось, освещенную в историографии, рассмотрим проблему протектората как форму покровительства сильного государства над более слабым в контексте того времени с тем, чтобы определить его особенности в пространстве Российской империи, а главное, с точки зрения управления местным населением.

Российский протекторат над Тувой предусматривал, что государство-протектор берет на себя такие сферы государственной деятельности, как внешние сношения, верховное военное командование, правосудие, взимание некоторых налогов. Формально верховным правителем Тувы по-прежнему считался амбын-нойон, князь одного из крупных хошунов. Прочее местное управление осталось под юрисдикцией локальных нойонов, обладавших всеми внешними прерогативами власти. Но же в июле 1914 г. с тувинских нойонов были взяты «ручательства» о том, что они не будут иметь самостоятельных сношений с Монголией и другими иностранными государствами. Тувинская знать принесла присягу на верность русскому императору, заверила печатями свое согласие с принципами протектората, после чего хошунные печати – символы суверенной власти – были сданы в канцелярию российского комиссара по делам Урянхайского края (29).

В действительности Тува была включена в состав Енисейской губернии под ведомством иркутского генерал-губернатора. Непосредственное руководство Урянхайским краем было поручено начальнику Усинского пограничного округа Енисейской губернии, должность которого была учреждена еще 30 декабря 1885 г. Если первоначально ему предполагалось дать консульские права, то затем из политических соображений решено было придать ему характер сугубо административного должностного лица. Кроме того, на начальника были возложены административно-хозяйственные, таможенные и поли-

цейские функции (30). Для начальника Усинского пограничного округа была утверждена Инструкция, регламентировавшая его деятельность.

Следующим шагом, сделанным в 1912 г., стало согласие министра иностранных дел на назначение в Туву чиновника «с фактическим правом комиссара для установления наблюдения за Урянхайским краем» (31). Этому чиновнику было присвоено звание «Заведующего пограничными делами Усинского округа». Должность комиссара носила исключительно политический характер. Главная задача состояла в том, чтобы, посредством «разъяснения и советов» правителям Тувы, осуществить открытое и прямое присоединение к России.

Комиссару было приказано в пределах России именоваться Пограничным Начальником, в сношениях же с Китаем и тувинскими властями – Окружным Начальником. Время показало, что из совмещения в одном лице множества административных функций ничего хорошего не вышло. Причиной этого стала неудовлетворительная организация управления округом, поскольку вся полнота власти была сосредоточена в руках Пограничного Начальника, который единолично представлял всю российскую администрацию в сношениях с собственно тувинскими властями. Главной проблемой в установлении дружественных связей с местным населением являлось то, что далекий от территории собственно Тувы чиновник был совершенно не знаком с местной системой традиционного управления, с обычаями и культурой народа, над которым он был поставлен (32).

Но несмотря на то что власти очень скоро сориентировались в недостатках в управлении Усинским округом, они видели ошибку не в самой организации, а в должностной инструкции. Поэтому все попытки улучшить управление свелись лишь к внесению в нее изменений и дополнений. Плохое представление центральной власти о положении на местах приводило к значительной самостоятельности не только Усинского Пограничного Начальника, но и тувинской правящей элиты.

Должность Заведующего пограничными делами была заменена в 1913 г. должностью комиссара, окончательно одобренной императором в июне 1914 г. (33). Его деятельность была регламентирована особой Инструкцией, утвержденной 29 июня 1914 г. (34). Согласно Инструкции на комиссара по делам Урянхайского края были возложены обязанности начальника таможенных органов (35). Комиссар как главный представитель Российской Империи в крае должен был непосредственно вести сношения с правителями хошунов. Одновременно он являлся прямым начальником всех стоящих в крае чинов полиции, т.е. исполнял в пределах края обязанности общей полиции (36). Действия комиссара могли быть обжалованы у Иркутского генерал-губернатора.

Дальнейшее внутривластное развитие Российской империи после революции 1905–1907 гг. привело к тому, что в ходе аграрной реформы П.А. Столыпина началось широкое переселение русского крестьянства в Ту-

ву. В короткий промежуток времени центральный район Тувы покрылся сетью русских поселков и заимок, которым Чакиров, назначенный Пограничным Начальником в 1907 г., не считаясь с местной властью и традициями, придавал чисто российскую организацию и управление (37).

Вскоре русское правительство, чтобы несколько улучшить ситуацию с колонизацией, направило в Туву новых управленцев: на должность начальника Усинского Пограничного округа – А. Церерина; первым заведующим Переселенческим Управлением в этом регионе стал В.К. Габаев (38).

Новый начальник Усинского округа, снабженный специальными инструкциями, предусматривающими осторожную политику в отношении тувинцев, действовал в рамках своей инструкции. Одновременно с этим развернуло свою работу в Туве переселенческое управление, которое учредило не только должность заведующего устройством русских переселенцев в Туве, но и канцелярию при нем. Для организации своей деятельности в Туве переселенческая организация получала огромные средства, делавшие ее независимой от других органов власти. Эти особые права и средства, данные правительством переселенческой организации в Туве, вызывали удивление у иркутского генерал-губернатора Князева (39).

В то время как заведующий пограничными делами исполнял свои обязанности неторопливо, не выходя за рамки предписаний и проживая вне пределов Тувы (в Верхнеусинске), заведующий устройством русского населения в Урянхайском крае больше находился в самой Туве и развивал энергичную деятельность. Достаточно сказать, что за два года ему удалось переселить в Туву около 200 хозяйств, что составляет примерно пятую часть всех переселившихся в Туву до 1917 г. Он также намеревался создать в Урянхайском крае русское казачье войско.

Деятельность Габаева и Церерина, наделенных особыми полномочиями, приводила к противоречивым результатам, проистекавшим из несогласованности предпринимаемых мероприятий двух органов центральной власти: Министерства иностранных дел и Переселенческого Управления. В то время как Министерство иностранных дел, исходя из наиболее насущных задач внешней политики Российской Империи, решительно возражало против активной колонизации Тувы и требовало от своего чиновника особой осторожности в этом вопросе, Переселенческое Управление совершенно не считалось с мнением Министерства иностранных дел и усиленно заселяло край. Прямым следствием деятельности Габаева было крайнее обострение отношений между тувинцами и русскими, а также между русскими старожилами и новоселами.

В немалой степени противоречия проистекали из-за недостаточной проработки правовой базы управления краем, в частности это касалось вопроса о пределах компетенции означенных должностей, что приводило к дублированию их функций. В результате деятельность каждого чиновника регламентировались спущенными сверху руководящими письмами,

циркулярами, телеграммами, которые зачастую также противоречили друг другу.

Поскольку несогласованность действий А. Церерина и В.К. Габаева в Туве самым серьезным образом отражалась на всей политике по отношению к краю, царское правительство вынуждено было их отозвать, назначив очередным комиссаром Урянхайского края В.Ю. Григорьева, а заведующим русскими поселениями М.Я. Шкунова. Заведующий устройством русского населения также в крае исполнял обязанности крестьянского начальника, подчинялся Минусинскому съезду крестьянских начальников и Общему Присутствию Енисейского Губернского правления по ведомственной принадлежности (40). Ежегодно он должен был представлять отчет о своей деятельности комиссару для дальнейшего направления иркутскому генерал-губернатору. Вопросы о разграничении земельных участков заведующий устройством русских поселений обязан был решать совместно с местными правителями хошунов.

Штат комиссара по делам Урянхайского края состоял из самого комиссара, секретаря и переводчика (41). На комиссара возлагалась обязанность осуществлять общее руководство и надзор за деятельностью лиц, входящих в состав управления краем (42). При этом комиссар часто весьма произвольно вмешивался во внутренние дела тувинских хошунов. Анализ архивных документов показывает, что хотя все формальные признаки протектората были налицо, на самом деле в Урянхайском крае установилась фактически неограниченная власть правительственного комиссара, нарушавшего внутреннюю автономию местной, собственно тувинской, власти.

Таким образом, необходимо отметить, что вопрос о системе государственного управления Тувой на рубеже XIX–XX вв. был очень сложным в связи с тем, что протекторат как форма укрепления центральной власти на присоединяемых территориях для самой Российской Империи был необычным, поэтому законов, должным образом призванных регулировать всевозможные отношения между русским и местным населением, практически не имелось и представители центральной власти должны были руководствоваться лишь инструкциями, руководящими письмами, резолюциями, принимавшимися разными ведомствами. В систему управления краем входило комиссарство, милиция, мировые судьи, органы переселенческого управления и органы местного управления: краевая земская управа, сельские старосты и др.

В рассматриваемый период в системе управления Урянхайским краем было немало проблемных вопросов, например, проблема соотношения управленческих функций российской администрации с властью хошунных управлений, а также проблема организации суда и следствия по уголовным и гражданским делам, возникавшим между русским и тувинским населением Тувы, что требует дальнейшего глубоко изучения. Также необходимо от-

метить, что, несмотря на попытки усилить централизацию, в период протектората сохранялась внутренняя автономия правителей хошунов.

В заключении хотелось бы сказать, что система государственного управления Тувой в рассматриваемый период складывалась из центральных (имперских) органов власти и местных в лице Бугуде-дарга (амбын-нойона) и чиновников управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Попов В.Л.* Урянхайский пограничный вопрос. – Иркутск, 1910; *Васильев В.Н.* Современная летопись // Урянхайский пограничный вопрос. Новая серия XXXVIII. – № 4. – М., 1912; *Кабо Р.М.* Очерки истории и экономики Тувы. – М.–Л., 1934. – Ч. 1: Дореволюционная Тува; *Дулов В.И.* Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). – М., 1956; *Дубровский В.А.* Установление покровительства России над Тувой в 1914 г.: Архивные документы: к 80-летию объявления протектората (покровительства) / Сост. В.А. Дубровский. – Кызыл, 1994; *Белов Е.А.* Россия и Китай в начале XX в.: русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. – М., 1997; *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). – М., 1999; *История Тувы: В 3-х т.* – Новосибирск, 2000. – Т. I; *Лузянин С.Г.* Россия-Монголия-Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. – М., 2003; *Дацышен В.Г.* Г.А. Ондар Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и русско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. – Кызыл, 2003; *Дацышен В.Г.* Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. – Томск, 2005; *Москаленко Н.П.* Этнополитическая история Тувы в XX в. – М., 2004; *История Тувы... / Под общ. ред. В.А. Ламина.* – Новосибирск, 2007. – Т. II; и др.
- (2) Дата несколько условная, поскольку завоевание Тувы длилось несколько лет, начиная с 1755 г.
- (3) Изначально «знаменами» назывались крупные подразделения маньчжурского войска. Сопоставляют с европейскими дивизиями.
- (4) *Арбан* (монг.) – десяток. Здесь: мелкая единица военно-административного деления. В тувинских арбанах дворов было более 10, иногда и более 20.
- (5) Часть тувинцев жила в Монголии под управлением монгольских князей. Они омонголились и утратили тувинский язык, удержав лишь тувинские родоплеменные названия. В Дзасакту-хановском аймаке тувинским считался хошун Тоджи-урянхай, кочевья которого находились по обе стороны хребта Алтын-Нуру, то есть в восточной части Монгольского Алтая. Хошун был населен потомками тувинцев-тоджинцев (точи или точикасы в русских исторических документах XVII в.). Потомки тувинцев (например, мунгаты, хертеки, иркиты) входили также в Хотогойтские хошуны, в частности в хошун князя Бичирилты.
- (6) В современном тувинском языке слово «хошун» в форме *кожуун* по-прежнему используется для обозначения административно-территориального подразделения, теперь соответствующего району.
- (7) Здесь и далее изложено по рукописи «История прежних нойонов тувинского народа». Написана на монгольском языке, автор и время составления неизвестны. Сама рукопись хранится в рукописном фонде Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН, а ее перевод на русский язык, сделанный Т.А. Бурдуковой. – Фонд документально-письменных источников Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр. – П. № 192.

- (8) В частности, Г.Н. Потанин упоминает о баршине жителей Хасутского хошуна в ставке амбын-нойона в Самагалтае (у Потанина – Самгылтай. – Х.С.), длившейся от одного года до трех лет (См.: *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1883. – С. 12).
- (9) Должность цзянцзюня, учрежденная в 1733 г. во время войн с джунгарами, соответствует должности генерал-губернатора, а его звание – генеральскому.
- (10) У всех чиновников на пространстве империи Цин были печати, отливавшиеся в соответствии с их рангом по единому образцу в пекинском Министерстве церемоний. Монгольские князья – владельцы хошунов – имели серебряные печати с ручкой в форме тигра (символ власти), тогда как у амбын-нойона была медная печать с простой ручкой-гвоздем, а печати угерда изготовлялись из дерева (см.: *Позднеев А.М.* Пять китайских печатей // Отдельный оттиск из «Записок Восточн. отдел. Имп. Русск. Археолог. Общ.» – СПб., 1896. – Т. IX. – С. 281–282. См. также фонды Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр. Печать за № 2063).
- (11) *Бугуде (бугдийн)-дарга* (тув.) – букв. «верховный правитель».
- (12) От *амбань* (маньчж.) (переводимое на монг. словом *сайт* – титул для лиц, назначаемых пекинским правительством на высшие государственные должности, в Халхе именовались *амбанями*: Улясутайский *цзянцзюнь* и верховные правители в городах Урге, Кобдо и Улясутае, в этих городах *амбаней* полагалось по два – один из маньчжур, а другой из монголов) и *нойон* (монг.). Нойон (ноян, ноин) – старинный монгольский княжеский титул, означающий владетельного князя. Амбын-нойон – титул, которым в Туве именовали высшего правителя, которому были подчинены тувинские хошуны. Титул тувинского амбын-нойона переходил по наследству.
- (13) *Гун* (кит.) – княжеский титул, был разделен на 2 степени: улусун тушегун (монг.) – князь V степени, и улус-тур тусалакчигун (монг.) – князь VI степени (см. подробнее: *Ховалыг С.С.* Амбын-нойон и другие иерархии правителей и чиновников в Урянхайском крае во второй половине XVIII – начале XX вв. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. – Абакан, 2006. – Вып. 7. – С. 34–36, 41–43).
- (14) *Доло бэйле* (маньчж.) – титул князя III степени.
- (15) См.: *Ховалыг С.С.* Формирование и развитие чиновничества Тувы в эпоху господства маньчжурской династии Цин (1757–1912 гг.) // Научное обозрение. – 2007. – № 4. – С. 83.
- (16) ЦГА РТ. – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 21.
- (17) См.: *Кон Ф.Я.* Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет: Собр. соч. – М., 1934. – Т. III. – С. 156.
- (18) *Дзасак* (монг.) – правитель княжества, не удостоившийся княжеской степени, но пользовавшийся всей полнотой власти в подведомственной ему территории.
- (19) В некоторых случаях в управлении хошуном был один помощник вместо двух, объединявший обе функции, и исполнявший обязанности главного управляющего хошуном, главного помощника угерда.
- (20) Хундуй (хунду, кундуй – сяо-ци-сяо) – соответствует званиям младших офицеров.
- (21) Бошка (бошоку, хугэкчи, бошко) – соответствует званию урядник.
- (22) См.: *Кон Ф.Я.* Экспедиция в Сойотию... – Т. III. – С. 136.
- (23) ЦГА РТ. – Ф. 115. – Оп. 2. – Д. 8. – Л. 45–50, 57.
- (24) См.: *История Тувы: В 2 т. / Под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола.* – Новосибирск, 2001. – Т. I. – С. 312.
- (25) РФ ИГИ РТ. – Д. 56. – С. 5.

- (26) Там же. – С. 5.
- (27) См.: История Тувы... – Т. I. – С. 312.
- (28) Урянхайский пограничный вопрос – проблема разграничения территорий между Китаем и Россией, проходящей по Туве. Прежде всего, речь шла об установлении пограничных знаков на хребтах Танну-Ола и Западные Саяны. Российская сторона в лице купцов-переселенцев утверждала, что граница проходила по хребту Танну-Ола, китайская сторона – по Западным Саянам.
- (29) См.: История Тувы. – М., 1964. – Т. 1. – С. 358; Сборник договоров России с другими государствами мира. – М., 1952. – С. 129–134.
- (30) См.: *Кон Ф.Я.* Усинский край // Записки Красноярского подотдела ВСОРГО. – Красноярск, 1914. – Т. II. – Вып. I. – С. 83–86.
- (31) См.: *Дулов В.И.* Социально-экономическая история Тувы (XIX – начало XX в.). – М., 1956. – С. 387.
- (32) См.: *Кон Ф.Я.* Экспедиция в Сойотию... – С. 89.
- (33) ГА РФ. – Ф. 1701. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 14.
- (34) Там же. – Д. 59. – Л. 24–30.
- (35) Там же. – Л. 24.
- (36) Там же. – Л. 24.
- (37) См.: *Нацов С.* Национально-освободительное движение тувинских скотоводов // Новый Восток. – 1927. – № 19. – С. 50.
- (38) См.: История Тувы. – Новосибирск, 2001. – Т. 1. – С. 322.
- (39) См.: *Мицлов С.Р.* Секретное поручение (путешествие в Урянхай). – Рига, 1915. – С. 12.
- (40) ГА РФ. – Ф. 1701. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 26.
- (41) Там же. – Д. 53 а. – Л. 12–13.
- (42) Там же. – Ф. Р-200. – Оп. 1. – Д. 502. – Л. 92–94.

**CENTER OR PERIPHERY?
THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION IN TUVA
IN THE END OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES**

S.S. Khovalyg

Department of History of Fatherland
State University of Tuva
Lenin Str., 36, Kyzyl, Russia, 667000

The article deals with formation and development of the government power system and the management in Tuva in the 19–20th centuries. The state apparatus, the hierarchy of ranks and degrees of distinction of the state posts of Tuva are examined. The creation problems of the organization of the power of Russia in the region are analyzed in this article. In connection with it, in the beginning of the 20th century Tuva was accepted as a protectorate of Russia.

Key words: Uriankhai krai (Tannu Uriankhai), a khoshun, an ambyn-noyon, an ugerda, a noyon, the state apparatus, the official, protectorate, the commissary for affairs of Uriankhai krai, the haed of the resettlement management.